

Наталья

Селиванова

ФРАГМЕНТЫ ЖИЗНИ – КАПЛИ ВРЕМЕНИ...

Есть – Был, Еще – Уже. Вот слова-границы, в которых заключен промежуток времени под названием Жизнь. Это ощущаешь особенно остро, когда границы распадаются, и время в промежутке неизбежно останавливается...

Не стало Владимира Ивановича Никкарева. Горько. Он ушел в тот день, когда я начала готовить о нем статью. Значит, эта статья будет памятью о незаурядном человеке и большом художнике. И все-таки, вопреки остановившемуся времени и неумолимой данности, пусть он еще поживет с нами, в настоящем времени, ну хотя бы те несколько минут, пока читается статья.

ДЕВЯТЬ ЛЕТ НАЗАД. НОВОЕ ДЫХАНИЕ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ

Странно вела себя гостя проходившей в Праге выставки «Цвет времени». Подходила к полотнам Валтера (Валтер – художественный псевдоним) Никкарева то близко, почти вплотную, то отодвигалась на почтительное расстояние, рассматривала их с разных ракурсов, уходила и снова возвращалась. Наконец, едва слышно по-русски прошептала: «Быть не может». Все. На этой коротенькой фразе, да еще и произнесенной на «великом могучем», мое любопытство достигло апогея. «Пора, – сказала я себе решительно, – знакомиться и спрашивать».

Женщина, представившись Светланой, рассказала, что 16 лет назад она приехала в Прагу из Казахстана, и все это время поддерживает с ним связи. Особенно она интересуется казахстанским изобразительным искусством, с которым, по ее словам, у нас «все неплохо, но... предсказуемо».

– Судя по вашей реакции на Никкарева, «неплохо» и «предсказуемо» – это не о нем. Чем так взволновали вас «Композиция на оранжевом», «Натюрморт со скульптурой», «Кумысный набор»?

– Во всех этих кубистических живописных вариациях на тему казахской степи я уловила абсолютно новое дыхание казахстанского искусства. Настоящее открытие, откровение! Никкарева мало увидеть – его нужно почувствовать, и если это произойдет, перед нами откроется такое... Вот какой, например, вы видите нашу планету?

– Круглой, как шарик.

– И я тоже. И большинство людей. Но этот художник своей художественной манерой прорвал привычную круглость. Он показал, какими углами, линиями,

отрезками и прочей геометрией наполнен наш шарик. Он вытащил на поверхность то, что запрятано внутри: хаос и гармонию, мелодию и какофонию, системы и импровизации. Он показал цвет – густой и тяжелый, прозрачный и эфемерный. И все это у него спаяно между собой, все прочное, добротное, словно...

– ...словно финская изба из сруба... Будь то натюрморт, городской пейзаж, портрет, у Валтера Никкарева, казахстанского художника, финна по происхождению, все – словно добротная финская изба...

79 ЛЕТ НАЗАД. СНАЧАЛА БЫЛА РОССИЯ

Да, финна: и по происхождению, и по исконной фамилии – Никкаринен, фамилии, для нашего слуха непривычной и даже тяжеловатой (отсюда и адаптированный русский суффикс -ев вместо финского -нен). Но тут более любопытен лексический сегмент. Фамилия Никкаринен восходит к ижорскому (ижора – малочисленная народность, проживающая в Ленинградской области) слову никкари, переводимому как «мастер», «умелец», «человек, отличающийся особыми успехами в своем ремесле». Удивительное соответствие в данном конкретном случае самой фамилии ее носителю! Правда, с -нен вышла неувязка – данная морфема в финском языке считается уменьшительно-ласкательной. Но посмотрим на картины Никкарева. Какая уж тут уменьшительная ласкательность! Тут – брутальность. Кстати, Никкаринен на русском языке звучит очень даже брутально, внушительно, твердо – ну, как-то по-никкаревски.

В Казахстане финская диаспора по своей численности находится отнюдь не на лидирующих позициях – финнов менее 400 человек. Тем более интересно, как оказался Никкарев Владимир Иванович в Казахстане, причем в самом его центре. Этому, очевидно, предшествовали далекие события, связанные с советско-финской войной, или, как называют ее финны, Зимней войной – события, о которых в семье Никкаревых предпочитают не вспоминать.

Родители Никкарева жили под Ленинградом, там и родился будущий художник в 1940 году 1 января. А поскольку день рождения Владимира Ивановича совпадал с днем рождения каждого нового года, то он и начинал свой личный год вместе с общим годом – словно с чистого листа. Впрочем, для художника будет точнее – с чистого холста. Потом семья переехала в Финляндию, затем в Прибалтику. Вскоре после войны им было предложено переселиться либо в Сибирь, либо в Казахстан. Отец остановил свой выбор на сибирском городе Новокузнецке. Здесь и обосновалась семья надолго. Образование же сын Владимир получил в Иркутске. Он закончил одно из старейших заведений Сибири и Дальнего Востока, знаменитую «иркутскую школу живописи» – художественное училище, носящее имя своего основателя И. Л. Копылова.

Иван Лаврович Копылов имел блестящее образование – закончил петербургскую Академию художеств и частную Академию художеств Жюльена в Париже. Он был замечательным художником и преподавателем живописи. Но главное, что именно И. Л. Копылов положил начало изобразительному профессиональному образованию в Сибири, организовав художественную школу в Иркутске. В училище был жесткий отбор, работали в нем высококвалифицированные и требовательные преподаватели, готовящие профессиональных художников. Но чтобы стать профессионалом, студентам-«копыловцам» приходилось съезить

не один пуд соли. Однако будем объективны: для кого-то из них и это действие оказывалось бесполезным. С Никкаревым все обстояло по-другому. На защите дипломной работы он получил от своего научного руководителя лаконичную и беспристрастную оценку: «Это уже состоявшийся художник». Нет, это был не аванс – это было признание одного профессионального художника другим.

Выпускник Иркутского художественного училища Владимир Никкарев мог стать российским художником, если бы вернулся в Новокузнецк или остался в Иркутске.

Владимир Никкарев мог стать финским художником, если бы уехал на историческую родину. Тем более что такую попытку однажды он сделал. Сразу же после окончания училища Никкарев отправился в Финляндию, в село, подавляющее большинство жителей которого носили фамилию Никкаринен. И что? За свои корни не зацепился. Почему? По предположению супруги Владимира Ивановича Ирины Дмитриевны, «не зацепился», потому что почувствовал себя среди однофамильцев, а, возможно, и родственников, чужим, не ощутил тепла: градус сердечности оказался ниже того, который ему был необходим. Хорошо это или плохо – дело не в том. Просто есть понятие «сроднения» – сроднился, и уже счастлив, и другого не нужно; не сроднился – не стоит и пытаться. Никкарев, как человек тонкой души, северного темперамента и открытого сознания, это прочувствовал настолько глубоко, что больше не делал никаких попыток породниться с исторической родиной.

И В РАДОСТИ, И В ГОРЕ

Никкарев мог стать российским художником, мог стать финским. Но стал казахстанским. Как это произошло? Об этом я спросила Ирину Дмитриевну Никкареву.

– С Владимиром Ивановичем мы познакомились в Иркутске, решили пожениться и переехать в Казахстан, где я жила. В начале 70-х годов мы оказались в небольшом промышленном городе Темиртау, или на Казахстанской Магнитке, как еще называют наш город. Сначала жили в художественной мастерской, без всяких удобств, в том числе без отопления, что было особенно ощутимо в морозные темиртауские зимы. Позже мы переехали в трехкомнатную квартиру – настоящее счастье. В Темиртау у нас родились две дочери. Сейчас старшая, Ольга, живет в России, младшая, Нина – в Темиртау, у нас пятеро внуков.

Об Ирине Дмитриевне стоит сказать отдельно. Что касается внешности, это красивая, статная женщина. Если же говорить о ее человеческих качествах, то здесь – целый кладезь мудрости, утонченности, деликатности, духовной глубины. Есть женщины не менее, а, возможно, и более сильные, чем те, кто одинаково лихо и в горящую избу входят, и со скачущим конем управляют. Ими громко восторгаются и даже порой посвящают их подвигам стихи. Но есть другие женщины – они просто живут рядом, без геройства любят, без геройства понимают и принимают. Такова Ирина Дмитриевна, сумевшая сладить с непростым характером своего мужа, подобрать к нему нужный «ключик». Муж не посвящал ей стихов, зато написал портрет «Женщина в шляпе». Да, женщина в шляпе – это она, Ирина Дмитриевна. Женщина, которая была рядом с ним все это время: и в горе, и в радости, и в дни тягостных сомнений, и в годы, когда Владимир Иванович

находясь в затяжном творческом кризисе, не на шутку пристрастился к зеленому змию. Пацифистка по мироощущению, Ирина Дмитриевна никогда не ставила мужу ультиматумов и не прибегала к крайним мерам. Но здесь пришлось.

«Или жена, или рюмка», – заявила она, показав свой характер.

Он выбрал жену. И вот уже лет тридцать как не берет в рот спиртного, а заодно и не курит. Проявил волю.

– Прожив с Владимиром Ивановичем всю жизнь, я научилась понимать его, нет не с полуслова, с полувзгляда, – рассказывает Ирина Дмитриевна. – Зайду, бывало, к нему в комнату, увижу его глаза и понимаю: говорить ни о чем не нужно, спрашивать тоже – он пребывает в каком-то своем мире, он мыслит. Ухожу. Владимир Иванович же, погруженный в свои мысли, мог не разговаривать со мной несколько дней.

И ни упрека, ни обиды, ни жалобы – одно сплошное понимание и принятие (хотя, наверное, и хотелось сорваться, когда уж совсем становилось невмоготу). Говоря откровенно, можно всю жизнь прожить, но так и не представится случая ни в горящую избу войти, ни с конем совладать. А вот глаза мужа, которым зачастую «не до тебя», – по мне так покруче и избы, и коня будет. Понимать и принимать – это и значит совершать ежедневно свой женский подвиг. Между нами, женщинами, кто на такой подвиг отважится? Немногие.

Некоторое время Ирина Дмитриевна работала в Темиртауском кризисном центре «Мой дом», предназначенном для женщин и детей, попавших в трудную ситуацию. Когда Владимир Иванович тяжело заболел, она оставила работу, целиком и полностью уйдя в свой дом, посвятив себя только мужу. Нет смысла говорить о том, что пришлось ей пережить и сколько выстрадать – это поймет тот, кому приходилось видеть тяжелый, медленный уход близкого человека. Но горе свое переживала в себе, никого не напрягая и не тревожа, каждая утро отправляя друзьям фотографии с красивыми, жизнерадостными пейзажами и пожеланиями доброго дня. Она посылала радость и вселяла надежду, а каково же ей было самой?..

Нет, такой, как Ирина Дмитриевна, и не нужно входить в горящую избу – такая, как она, сделает все, чтобы изба не загорелась. Ну а если уж беда случится, примет это как неизбежность – мужественно и достойно.

41 ГОД НАЗАД. ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ В ТЕМИРТАУ

Трудовая деятельность Владимира Ивановича Никкарева началась в Темиртау в начале 70-х годов прошлого века. Работая в Карагандинском отделении Союза художников КазССР, он выполнял монументальные заказы в керамике и металле для зданий Темиртау, Караганды, Карагандинской области. Одновременно с монументальным искусством занимался живописью. Пробы кисти остались далеко в прошлом, на первых курсах Иркутского художественного училища. Сейчас же «состоявшийся художник» творил, создавал смелые, авангардные работы. Природное немногословие Владимира Ивановича отразилось в его живописи: никакой детализации – только весомые и зримые аргументы, осязаемые, объемные, почти скульптурные образы. Безусловно, художник Никкарев окружающих не эпатировал, но своим недюжинным талантом внимание на себя обращал.

В 1978 году в мастерской еще одного карагандинского художника Александра Боллоха начал заниматься керамикой будущий галерист и коллекционер произведений Валтера Никкарева Семен Борисович Хан. Он-то и заприметил тогда еще

мало известного Никкарева. Познакомились и очень хорошо поняли друг друга. С тех пор, а это 40 с лишним лет, Никкарева и Хана связывает прочная, искренняя дружба. Будучи галеристом, Семен Борисович устраивал Валтеру выставки, делал каталоги, находил покупателей не только в городах Казахстана, но и в Москве, Праге, Вене... Никкаревские работы из серий «Окна», «Казахские мотивы», «Городские пейзажи», «Натюрморты», «Портреты» разошлись по миру, обустроились в пространствах квартир, загородных домов, представительских вилл. Семен Борисович знает историю каждой никкаревской работы, может говорить о ней часами, как и о самом авторе. Совместное творчество галериста и художника стало настолько крепким и спаянным, что не только обыватели, но и некоторые искусствоведы засомневались: а не есть ли Никкарев – сам Хан? Откуда такие домыслы? Да все просто: совершенно непубличного и закрытого художника редко кто видел, а имя его, между тем, на слуху. Внесем ясность раз и навсегда: Никкарев – это Никкарев Владимир Иванович, а Хан – это Хан Семен Борисович. И все, точка. Есть другие, более интересные вопросы, нежели who is who? Их я задам Семену Борисовичу.

– И все-таки, Семен Борисович, может ли что-то «зажечь» всегда сдержанного Никкарева?

– Может. Если предмет разговора – искусство, то он будет говорить часами. Помню наш разговор летом 2010 года. Он длился более двух часов, и это по телефону. Я только что вернулся из Амстердама, где смотрел Ван Гога. Спросил Валтера: «Как думаете, Ван Гог достигаем?». «Достигаем», – ответил он мне. Я понял: Никкарев не раз задавал себе этот вопрос как художнику и не раз отвечал на него. Только вот всегда ли это «достигаем» было с утвердительной интонацией? Валтер Никкарев отдает себе отчет в своих возможностях и пределах. Часто он переписывает работы, бывает, что и уничтожает. Так, на моей памяти он уничтожил два шедевра в жанре ню, над которыми работал целый год. И, к сожалению, больше уже ничего подобного не написал. Жаль. Но уж как есть – правдивый, порядочный, требовательный, он не кривит душой ни перед собой, ни перед людьми.

– «Красной краской по надежде, черной краской по судьбе»... Мы говорим о непубличности, я бы даже сказала, келейности Владимира Ивановича. А как быть с известным «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»?

– Этот постулат Никкарев опровергает всем своим существованием. Он абсолютный интроверт, и ему некомфортно находиться даже среди близких по духу людей, если разговор ни о чем. Да, с этим человеком не расслабишься, с ним все время следует держать себя на контроле, он не рубаха-парень и не душа компании. Ему не следует задавать непродуманных вопросов, при нем нельзя трещать без умолку. А сам он, как истинный аристократ духа, говорит продуманно и негромко, смеется редко. И это достойно уважения.

12 ЛЕТ НАЗАД. ОН – НЕ ПЕВЕЦ!

Мне вспомнилась персональная выставка Валтера Никкарева, проходившая в 2007 году в Центральном государственном музее РК. На эту выставку приехала из Темиртау Ирина Дмитриевна Никкарева вместе с внуком Виктором, но без супруга, для которого не посещать собственные выставки – явление рядовое. Зачем? Работы свои он знает, от многолюдья устает, к тому же не утруждает себя поддержанием неизбежных на таких мероприятиях бесед: будет интерес-

но – поговорит, скучно – уйдет по-английски. Что? Светский этикет? Да для него это – звук пустой!

Монументальные, исполинские никкаревские работы бесподобно вписались в необъятное пространство музея. Впрочем, и здесь им было мало места: живописные образы, казалось, не вмещались в границы полотен, улетали за отведенные им пределы, оседали в музейном пространстве, становясь его фрагментами. Вырисовывалась какая-то единая вселенская картина без конца и края, потрясающая своей концепцией, размахом, энергетикой. Как там наша землячка, ныне пражанка, сказала о работах Никкарева? «Быть не может»? Вот это и есть то самое, когда «не может», но есть.

Гости вернисажа стояли потрясенные, слов не было. Однако одно слово у одного искусствоведа все-таки нашлось. Слово неудачное, глупое, пустое – она назвала могучего Никкарева «певцом», сейчас я уж и не помню чего. Никкарев – певец?! «Как хорошо, что художника нет с нами», – подумала я тогда. «Певца» он бы уж точно не перенес. Скандала бы не было – Никкарев просто бы ушел, в худшем случае больше никогда бы не вынес на обозрение публики свои работы. Никкарев – не певец! И все эти гладкие и сладкие, и набившие оскомину сравнения не про него. Кто он? Это неважно. Важно не навешивать на художника ярлыков – он их категорически не признает, как и пустых слов, и всякого рода нелепиц. Он против придуманных «-измов», он – за правдивое -нен. Он за то искусство, которое Пикассо назвал «эманацией боли и печали». И за то, чтобы оставаться Художником при любых обстоятельствах:

Художник, будь художник только...

– Пусть ни одна иная ролька

Не исказит тебе лица...

(И. Северянин)

2019 ГОД, 21 МАЯ. ГОРЖУСЬ ХУДОЖНИКОМ И ДРУЖБОЙ С НИМ

– Семен Борисович, отметили аристократизм Никкарева. Что еще важного назовете в его характере?

– Отсутствие стремления к роскоши. Единственная для художника роскошь – это хорошая живопись. Назову скромность Владимира Ивановича, граничащую с аскетизмом, начиная с отношения к собственной внешности: в чем работает в мастерской, в том может пойти на выставку. И пошел бы, если б не Ирина Дмитриевна. Назову его спортивность. Высокий, стройный, подтянутый художник совершает два раза в неделю 12-километровые пешие прогулки в степь. Заботится о своем здоровье? Конечно. Но не только. Как художник, Валтер Никкарев живо интересуется: а что там, за окнами его квартиры, за урбанистическими пейзажами и нескончаемым потоком авто? Он, выходя в свободное пространство, набирается впечатлений. Потом эти впечатления перекладывает на холст.

– В каком направлении работает живописец Валтер Никкарев?

– Я называю его финским экспрессионистом. Никкареву не столь важно воспроизвести действительность, сколь выразить собственные мысли и чувства. В одних картины («Композиция № 1», «Натюрморт с апельсином», «Всадники») он вкладывает свои мысли об идее пространства, вселенском времени, движении. В другие («Поцелуй», «Человек и собака») – чувства. Даже не сведущий в искусстве человек,

внимательно взглядевшись в картины Никкарева, не может не почувствовать в них тех или иных чувств: радости, боли, гнева, иронии... Именно об этом говорил в свое время американский модернист Марк Ротко: «Меня интересует только передача главных эмоций – страдания, экстаза, ужаса и т. д. – и то, что многие плачут, когда видят мои работы, говорит о том, что у меня это получается».

– Понимаю, о чем говорите. Нет, я не плачу, когда вижу картины Валтера Никкарева, но то, что их энергетическое поле меня затягивает, – однозначно. Повесила в своей спальне работу из серии «Городской пейзаж». И что? Полночи промаялась от ощущения присутствия рядом с собой кого-то, сама не знаю кого. К тому же, откуда-то выплыла и запала, как клавиша, сидоровская строчка из стихотворения «Ван Гог»: «тобой владевший сумасшедший бог»... Да что же это, в самом деле, такое? С ума можно сойти! Наконец, осенило: «"Городской пейзаж" однако!»). Со словами «товарищ, вы мне спать мешаете!» вынесла пейзаж в другую комнату. Сейчас в моем изголовье висит прекрасная никкаревская «Сирень». Ее я тоже чувствую, но по-другому. Явно это не «товарищ», – это нечто легкое, эфемерное. Может, пара влюбленных эльфиков на счастливой – пятилепестковой – сиреневой звездочке? Или паутинка бабьего лета? Или, как у Манделыштама, «в этом солнечном развале уже хозяйничает шмель»?..

– Это и есть самый настоящий экспрессионизм. Художник выразил свои чувства, а зритель их уловил. Пропорции прямые: чем талантливее художник-экспрессионист, тем глубже степень выражения его чувств, тем мощнее эти чувства действуют на нас.

Путь казахстанского художника Валтера Никкарева – это путь авангардистов 19–20 веков: Сезанна, Ван Гога, Матисса, Мунка, Пикассо. Свои лучшие работы: «Луч солнца золотого», «Цветы для Магомаева», «Сирень», «Поцелуй», «Хризантемы», «Кактус», «Казахская мадонна», «Жеребец», «Летящая над степью», «Композиция в оранжевых тонах» и т. д. Валтер Никкарев написал в период с середины 1990-х годов по 2015 год. Многие из этих картин были представлены на европейских выставках, в частности, в Праге и Вене, к большому удивлению тамошних поклонников искусства: такие художники живут в Казахстане?! Да, вот такие! Финн по происхождению, получивший российское образование и проживающий в Казахстане, Никкарев – это культурное достояние казахстанской земли, духовный страж национального кода. Казахстанцы могут гордиться тем, что у них есть такой художник, мыслящий глобальными категориями.

– Гордиться полнокровно, безоговорочно, беззаветно – так, как гордитесь художником вы.

– Горжусь художником и нашей с ним дружбой в четыре десятка лет. Заслужить дружбу такого человека, как Владимир Иванович Никкарев, было нелегко. Но это произошло. И сознание этого согревает меня.

...Этот разговор состоялся за сутки до того, как Семен Борисович стал собираться в Темиртау – прощаться с другом. Нет больше слов и нет больше времени – оно закончилось, истекло – капля за каплей. Минута молчания... Тишина, которую ходил слушать в степь Владимир Иванович.

